

На правах рукописи

Вырупаева Анна Павловна

**Средний класс в Веймарской Германии: проблемы
общественно-политической и социокультурной адаптации
(1918 – 1933 гг.)**

Специальность 07.00.03 Всеобщая история

(Новая и Новейшая история)

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2014

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет» на кафедре всеобщей истории Института гуманитарного образования

Научный руководитель доктор исторических наук, профессор **Грудзинский Владимир Викторович**

Официальные оппоненты **Артамошин Сергей Викторович**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского», профессор кафедры всеобщей истории

Ткачёв Сергей Михайлович
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет», директор челябинского института (филиала) РГТЭУ

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Защита состоится «3» июня 2014 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационного совета, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» и на официальном сайте Уральского федерального университета <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Мазур Л.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования. В 1918-1933 гг. Германия пережила кардинальные перемены, коснувшиеся всех сторон общественной жизни – от повседневного существования до высокой политики. В стране начался долгий, болезненный процесс усвоения демократических ценностей. Изучение опыта духовных трансформаций, произошедших тогда с нацией, важно для понимания вариативности человеческих реакций на противоречивый, пророй парадоксальный ход общественного обновления. Исследуемая проблема даёт возможность объяснить, почему люди из «благополучного» среднего класса совершенно по-разному воспринимали республику. Обращение к этому опыту открывает перспективы как для изучения средних слоёв в целом, т.е. вне конкретной временной и пространственной «привязки», так и непосредственно – в годы Веймарской республики (далее также Веймар). В первом случае это способствует более дифференцированному раскрытию общих закономерностей ментальной эволюции среднего класса, а во втором – позволяет выявить истоки и механизмы его адаптации к процессам германской модернизации 1920-х годов.

Современная Россия, сравнительно недавно приступившая к построению демократии, оказалась перед решением схожих проблем, что и Веймарская Германия. Поэтому история Веймара привлекает особое внимание как один из примеров становления общества, основанного на принципах плюрализма и толерантности. Весьма актуальным в этой связи является духовно-эмоциональный опыт «маленьких людей» – представителей среднего класса – полученный по отношению к таким неоднозначным вопросам как широкая демократизация и эмансипация. Изучение способов адаптации немецких средних слоёв к стремительно меняющейся действительности может помочь россиянам более конструктивно взглянуть на ситуацию в своей собственной стране и

выработать адекватную позицию по отношению ко многим «болевым точкам» обновлённой общественно-политической и культурной жизни.

Объектом исследования диссертации выступает немецкий средний класс, который учёные традиционно делят на «старый» и «новый». К первому относят представителей мелкого и среднего бизнеса, свободных профессий и высшего чиновничества,¹ ко второму – новую для того времени социальную категорию служащих, а также мелких чиновников.

Предметом изучения является духовная эволюция немецких средних слоёв в условиях модернизационных процессов, происходивших в Веймарской республике.

Цель диссертации состоит в том, чтобы исследовать процесс восприятия и приспособления средних слоёв к общественно-политической и социокультурной трансформации.

Задачи исследования:

- рассмотреть развитие общественно-политической ситуации в Германии в 1918-1933 гг.;
- выявить основные проблемы духовного кризиса германского общества и реакцию на них средних слоёв;
- реконструировать систему политических и культурных приоритетов «старого» среднего класса;
- изучить модели его адаптации к республиканской реальности;
- проанализировать социальное положение «нового» среднего класса;
- рассмотреть стратегии его выживания
- проследить влияние «повседневного» поведения средних слоёв на демократический процесс.

В целом главная проблема исследования заключёна в том, как средний класс «переварил» охватившую страну модернизацию и каким образом это сказалось на судьбе первой германской демократии. Отсюда основное

¹ В диссертации речь идёт только о городских средних слоях, исключая сельский средний класс, к которому относились зажиточные крестьяне.

внимание сосредоточено на социальной и духовно-эмоциональной сферах его жизни: мировоззренческих установках, политических предпочтениях, повседневных практиках и социокультурных стереотипах вообще.

Хронологические рамки работы охватывают 1918 – 1933 гг. Нижняя и верхняя границы являются традиционными, заключая в себе весь период существования Веймарской республики – от Ноябрьской революции 1918 г. до назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 г.

Методологической базой диссертации стала «история повседневности», ориентированная на раскрытие внутреннего мира «простых» людей, их практик выживания и в целом на изучение общественных явлений «изнутри». Использовался подход, заложенный немецкими исследователями в 1980-е гг., которые понимают историю повседневности не как альтернативу «большой», социальной истории, направленную на бытописание (изучение микромиров), а как её логическое продолжение, «развитие» и «расширение».² Таким образом, повседневное существование рассматривается в контексте макро-истории, т.е. частные или групповые взгляды и поведение изучаются не сами по себе, а в рамках крупных событий и процессов, являясь одновременно и их продуктом, и – что самое главное – «соавтором».³ Сама повседневность становится местом пересечения «большого» и «малого», «объективного» и «субъективного». Выстраивается некий диалог: повседневная жизнь (в отличие от «статичных» подходов французской школы «Анналов», рассматривающей повседневность, как «вечно неизменяемое» и повторяющееся) приобретает динамику и «чувствительность», превращаясь в пластичную «материю», способную изменяться и изменять, т.е. тормозить или ускорять те или иные процессы «большого мира». В таком случае главные «носители»

² См., напр.: Medick H. Mikro-Historie. // Schulze W. (Hg.). Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Eine Diskussion. Göttingen, 1994 и др. Наиболее ярко в отечественной историографии этот подход отражён в интереснейшей работе Нарского И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001.

³ Специфика подходов к изучению повседневной жизни требует, чтобы историки обращались к контекстам, в которых она происходила. (А. Людке. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии. // Социальная история: Ежегодник. М., 1998/99.)

повседневности – «маленькие» люди – из молчаливых объектов, «винтиков» и статистов превращаются в субъектов исторического действия. В итоге в центре внимания оказывается не просто «маленький человек» и его будничная жизнь, а его столкновение и диалог со значимыми событиями и процессами истории.

Степень изученности проблемы. Веймарская республика привлекала внимание советских исследователей, начиная с 1920-х гг., но изыскания, посвящённые ей, носили в основном публицистический характер.⁴ Собственно же научные труды по истории Веймара появились уже после Второй мировой войны. Однако по целому ряду причин опыт первой немецкой демократии оказался исследован сравнительно мало. В советской германистике 1950-80-х гг. едва ли найдётся более десятка историков, которые всецело посвятили себя изучению Веймарской республики. Прежде всего, это Я.С. Драбкин, М.И. Орлова, Л.И. Гинцберг, И.Я. Биск, М.Е. Ерин, Н.В. Фарбман и некоторые другие. Исходя из марксистских теоретико-методологических установок, советские учёные обращались к сюжетам так или иначе связанным с историей классовой борьбы и рабочего движения. Отсюда основными темами их трудов были проблемы, относящиеся к Ноябрьской революции, «революционному» кризису 1923г., деятельности Коммунистической партии Германии (КПГ), а также внешней политике, в частности советско-германским отношениям. В 1970-80-е гг. к выше названным темам добавились сюжеты, посвящённые партиям либерального толка.⁵ Обращение к либерализму – «идеологии и политики класса... буржуазии»⁶ - позволило средним слоям опосредованно попасть в сферу внимания историков, а осмысление неудач либеральных идей в Веймарской

⁴ Гофман К.Б. Голодающая Германия. М.; Пг., 1924; Майский И. Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение). М., Л., 1924; Полонская Л. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы. 1913-1923гг. 2-е изд. М.;Л., 1925 и т.д.

⁵ Виноградов В.Н. Политическая «середина» в Веймарской республике и образование Немецкой государственной партии // Вопросы истории. М., 1981. №12; *Его же*. Либеральная буржуазия и усиление фашистской опасности в последние годы Веймарской республики // Вопросы истории. М., 1983. №5; Ткачёв С.М. Германская демократическая партия и становление Веймарской республики: Автореф. дисс. канд. наук – Челябинск, 1986; Космач Г.А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Идеология и политика немецкой демократической партии в 1918-1929 гг. Минск, 1989 и т.д.

⁶ Космач Г.А. Указ. соч. С.10.

Германии способствовало обращению к темам ментальности.⁷ Однако в целом, сама по себе тема ментальности и среднего класса в данных работах не рассматривалась, а изучалась идеология либерализма, его идейное и политическое течение, «представленное в годы Веймарской республики в первую очередь Немецкой демократической партией, левобуржуазной прессой, видными политическими и общественными деятелями, публицистами...».⁸

Определённый интерес у советских историков вызывала и тема гибели Веймарской демократии. Целенаправленно её изучением занимался один из виднейших исследователей Веймара Л.И. Гинцберг. Основную вину за падение республики и прихода Гитлера к власти учёный, помимо Великой депрессии и «антикоммунизма» социал-демократов, возлагал на крупный капитал. Данную точку зрения Гинцберг продолжал отстаивать и во второй половине 1980-х гг., не уделяя должного внимания иным аспектам проблемы, связанным, например, с ролью среднего класса и особенностями немецкого менталитета.⁹ В итоге такие общепризнанные на Западе факторы падения республики и победы нацистов, как своеобразие немецкой политической культуры и поддержка НСДАП средним классом, не получили в советской историографии специального внимания и обстоятельного изучения.

В 1990-2000-е гг. в отечественной исторической науке обозначился коренной перелом, повлёкший переосмысление многих проблем истории республики. Появились разносторонние работы по истории самых различных партий, течений и политических деятелей вплоть до консерваторов, которые впервые были взяты на «карандаш».¹⁰ В поле зрения историков всё чаще

⁷ Так, в работе Г.А.Космача «Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики» особенности немецкой политической культуры получили краткое, но ёмкое обобщение.

⁸ Виноградов В.Н. Либеральная буржуазия и усиление фашистской опасности в последние годы Веймарской республики // Вопросы истории. М., 1983. №5. С.45.

⁹ Гинцберг Л.И. Историки ФРГ о приходе к власти фашистов в Германии. // Веймарская республика. История. Историография. Источниковедение. Иваново, 1987.

¹⁰ Фарбман Н.В. Штреземан: человек и государственный деятель.//ННИ. М., 1995. №5; Гинцберг Л.И. Папен.//ННИ. М.,1998. №6; Артамошин С.В. Интеллектуальное течение «консервативной революции» в поисках альтернативы Веймарской системы Германии.//Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Выпуск №28; Ткачёв С.М. Левый либерализм и проблема утверждения Веймарской демократии (1918 – 1926 гг.). М., 1997; Дорожко И.Н. Немецкая народная партия и становление Веймарской республики: Автореф.

оказывалась тема ментальности,¹¹ обозначился интерес к истории повседневности,¹² были предприняты попытки по созданию работ обобщающего характера.¹³ Тем не менее, внимание отечественных авторов по-прежнему концентрируется преимущественно вокруг политической истории Веймарской республики. Аспекты ментальности, повседневной жизни, история непролетарских слоёв населения носят подчинённое, второстепенное значение. Ещё менее исследованными остаются сюжеты, связанные с историей среднего класса. В отечественной германистике по-прежнему отсутствуют специальные работы, посвященные этой группе населения в целом и, в частности, её ментальным особенностям.

Значительно бóльших успехов в изучении Веймарской республики, что вполне естественно, достигла западная историография, и, прежде всего, историки западной и объединённой Германии. Труды зарубежных исследователей условно можно разделить на несколько блоков. Первый из них включает работы общего характера, которые, так или иначе, затрагивают интересующую нас проблему, анализируя события «большой» истории и причины гибели республики. Однако в 1950-60-е гг. они замыкались исключительно на политической истории. Причём, падение республики сначала объяснялось «внегерманскими» факторами (Первая мировая война, Версальский договор, мировой экономический кризис), а затем –

дисс. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1992; Горшков С.М. Немецкая национальная народная партия и становление Веймарской республики: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994; Плужников О.В. Социал-демократическая партия Германии и становление Веймарской республики: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Челябинск, 1994; Молодчик А.В. Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау, 1912-1922 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Челябинск, 2001; Авдеенко Е.Г. Карл Йозеф Вирт: партийно-государственная деятельность: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Челябинск, 2004 и т.д.

¹¹ Млечина И.В. Уроки немецкого. Век XX. М., 1994; Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997; Пленков О.Ю. Немецкая политическая традиция и национал-социализм: Автореф. дисс. докт. ист. наук. - СПб., 1999; Артамошин С.В. Интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики: Автореф. дисс. докт. ист. наук. - Брянск, 2011; Ковалёва Н.В. Образ Советской России в немецкой праворадикальной публицистике Веймарской республики: Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Томск, 1999; Нагорная О.Ю. Национальный миф Танненберга и политическая культура Германии (1914 – 1934гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук.-Челябинск, 2002 и т.д.

¹² Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской Германии. Иваново, 1990; Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь национальных меньшинств в Веймарской Германии: Автореф. дисс. канд. ист. наук.- Иваново, 2005.

¹³ Патрушев А.И. История Германии: через тернии двух тысячелетий. М., 2007; История Германии. Т.2. От создания германской империи до начала XX века. Учеб. пособие. Под ред. Галактионова Ю.В. М., 2008 и т.д..

«конструктивными ошибками» Веймарской парламентско-конституционной системы.¹⁴

Перелом произошёл в конце 1960-нач.1970-х гг. и был связан с появлением социально-критической школы. Представители этого направления – Г.-У. Велер, Ю.Кокка, Г.А. Винклер, Д.Пойкерт, Вольфганг и Ханс Моммзены и др. – стали изучать «социальную историю» в комплексе – от политики до культуры. Такой подход позволил посмотреть на развитие исторического процесса широко, одновременно увидев в нём общие закономерности и национальные особенности.

Указанные принципы нашли отражение в многотомной «Истории немецкого общества» Ганса-Ульриха Велера, начатой в 1980-х гг. и завершённой в 2000-х гг.¹⁵ Автор, анализируя процесс модернизации, обнаружил расхождение между развитием экономики и политической культуры Германии. Если первая была высокоразвитой, то вторая – отсталой. Такое положение, согласно его точке зрения, обусловили национальные особенности, в том числе и силовой характер объединения страны. Последний «законсервировал» немецкую политическую культуру на долгие годы. Всё это облегчило приход Гитлера к власти. Таким образом, своей работой историк показал: национал-социализм не являлся трагической случайностью, а был скорее закономерным результатом особенностей модернизационного развития Германии.

В этой связи необходимо упомянуть и опубликованный в 1973 г. труд Иоахима Феста «Гитлер. Биография»,¹⁶ в котором автор увязал взлёт нацизма с «культурными компонентами» немецкой истории. Ввиду срединного географического положения и трагических последствий Тридцатилетней войны немцы, в отличие от других наций, были лишены возможности решительно выражать свой социальный протест, приобретая устойчивую

¹⁴ См.: Conze W. Die Weimarer Republik // Rassow P.(Hrsg.). Deutsche Geschichte in Überblick. Stuttgart, 1953; Bracher K.-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1955; Lammers W. Bemerkungen zur modernen Darstellung nationaler Geschichte // Historische Zeitschrift, 1970. Bd. 210 и т.д.

¹⁵ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1914-1949. Bonn, 2010.

¹⁶ Фест И. Гитлер. Биография. Пермь, 1993.

привычку выпускать «пар» в сфере «грёз»: искусства, философии и науки. Гитлер, по утверждению Феста, стал одним из самых радикальных авторов таких «грёз», предложив совершить прыжок в «блестящую», «чарующую мечту».

Детлив Пойкерт в своей работе «Веймарская республика. Кризисные годы классического модерна»,¹⁷ также рассмотрел историю республики в рамках идей социально-критической школы, «наполнив» теорию модернизации социокультурной «начинкой». Автор обратил большое внимание на такие её компоненты, как антидемократическое мышление и символический «дефицит» легитимации новой власти.¹⁸ Отдал дань культурному подходу и Хорст Мёллер в книге «Веймар. Несовершенная демократия»,¹⁹ где провёл любопытное сравнение первых немецких президентов – Эберта и Гинденбурга – и восприятия их населением.

В целом социокультурная тема в той или иной степени стала неотъемлемой частью современных работ по общей истории Веймарской республики. Исключением не стал и один из последних трудов – фундаментальное исследование Урсулы Бюттнер «Веймар. Перегруженная республика, 1918-1933 гг.»,²⁰ впервые изданный в 2008 г. По мнению автора, республика рухнула, т.к. была «перегружена» целым рядом проблем – от существенного расширения государственного бремени до монархического «наследства».²¹ Последнее включало в себя не только кайзеровских «экспонатов» в рейхсвере, тяжёлой индустрии и управлении, но и принципы работы парламента и правительства, основанные на тяге к «сильной руке». При этом, согласно мнению историка, гибель республики не была предопределена изначально. Более того, её конституционно-политическая «система», по утверждению Бюттнер, не страдала структурными дефектами, а население не было таким уж антидемократичным и консервативным.

¹⁷ Peukert D. Die Weimarer Republik. Kriesenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt a.M., 1987.

¹⁸ Ibid. S.15-16.

¹⁹ Möller H. Weimar. Unvollendete Demokratie. 6. Aufl. München, 1997.

²⁰ Büttner U. Weimar. Die überforderte Republik 1918-1933. Bonn, 2010.

²¹ Ibid. S.498.

Второй блок исторической литературы представляют исследования, посвящённые среднему классу. Долгое время в историографии преобладала традиция, заложенная ещё в 1950-е гг. американским социологом Сеймуром Липсетом, согласно которой, средний класс рассматривался в качестве базиса национал-социализма: «фашизм, как экстремизм середины».²² Считалось, что именно он своей поддержкой привёл НСДАП к успеху.²³ Объяснялось это традиционными взглядами среднего класса и его «сословными» установками, ориентированными на сохранение собственного социального статуса, который в годы республики был поколеблен. Исследователи полагали, что угроза пролетаризации, возникшая с мировым экономическим кризисом, толкнула средние слои к радикализму.

В отношении «старого» среднего класса эти позиции вполне оправданы, они получают дальнейшее обоснование, благодаря новым исследованиям. Среди них, например, работа Ремберта Унтерштелля,²⁴ в которой утверждается, что в годы Веймара претензии «старого» среднего класса на высокий социальный статус столкнулись с давлением индустриализации, с одной стороны, и рабочего класса, с другой.²⁵ В итоге ремесленники и торговцы стали искать защиты и, не находя её, метались от одной партии к другой, пока не угодили в руки национал-социалистов.²⁶

Однако если в отношении «старого» среднего класса исследователи более или менее единодушны, то по поводу оценки политического и социокультурного облика «нового» сложилась иная ситуация. Долгое время считалось, что «новый» средний класс являлся «родным братом» «старому», что ему также было изначально присуще сословно-консервативное сознание. В этом, по мнению исследователей, и заключалась причина большой популярности среди них идей НСДАП. Данная позиция была заложена ещё в

²² Цит. по: Falter J. Hitlers Wähler. München, 1991. S.364.

²³ Помимо средних слоёв успех НСДАП приписывался ещё поддержке молодёжи и тех, кто ранее не участвовал в выборах.

²⁴ Unterstell R. Mittelstand in der Weimarer Republik. Die soziale Entwicklung und politische Orientierung von Handwerk, Kleinhandel und Hausbesitz 1919-1933. F. am Main – Berlin – NY – Paris, 1989.

²⁵ Ibid. S.94.

²⁶ Ibid. S. 134-135.

годы самой республики. Социолог Теодор Гайгер утверждал тогда, что «белые воротнички» были носителями традиционных «буржуазных» взглядов, из-за чего «неадекватная современности, пред-индустриальная идеология» НСДАП оказалась для них наиболее привлекательной.²⁷ Сходную точку зрения высказал Ханс Шпейер, посвятивший «белым воротничкам» в годы республики обширное исследование, опубликованное уже после Второй мировой войны. Согласно его мнению, «белые воротнички» в большинстве происходили из «старого» среднего класса, а потому были традиционно ориентированы.²⁸ Эта трактовка получила активное развитие и в послевоенные годы. Наиболее ярким её представителем в современной историографии стал Юрген Кокка, который оригинально развил идеи своих предшественников в рамках социокультурного подхода на основе сравнения служащих и рабочих. В своём обширном исследовании «Служащие в немецкой истории 1850-1980 гг.»²⁹ он категорично отделил первых от вторых по целому ряду признаков. Среди них он назвал «чистую», умственную работу «белых воротничков», более высокую и «выгодную» зарплату, бóльшую застрахованность их рабочего места, приближенность к руководству, а также особое мышление, выраженное в претензиях на высокий статус.³⁰ Причину этого Кокка видел в особенностях немецкой истории – «бюрократической традиции прусского общества»,³¹ в рамках которого управленческая элита – государственная бюрократия и «военщина» – занимала главенствующее положение. Высокий престиж немецкой бюрократии послужил основой для «коллективной самоидентификации» служащих, самосознание которых характеризовалось «ориентацией на чиновнический статус».³² Это стало основой восприятия экономического кризиса: страх потерять работу, а заодно и «честь» вызвал резкий

²⁷ Geiger T. Die soziale Schichtung des deutschen Volkes. Stuttgart, 1932.

²⁸ Speier H. Die Angestellte. Работа была написана в 1933 г., но смогла появиться в печати только в 1977 г.

²⁹ Kocka J. Die Angestellten in der deutschen Geschichte 1850-1980. Vom Privatbeamten zum angestellten Arbeitnehmer. Göttingen, 1981.

³⁰ Ibid. S. 122.

³¹ Ibid. S. 144.

³² Ibid.

политический протест и толкнул «белых воротничков» к радикальному движению национал-социализма.

Одновременно в эти же годы (1980-90-е) чётко обозначился новый угол зрения в понимании «конституции» служащих. В 1981 г. появилась статья Рихарда Шпрее «Служащие, как агенты модернизации»,³³ где был высказан совершенно иной взгляд на «белых воротничков». Автор заявил, что они отнюдь не являлись «врождёнными» консерваторами и автоматическими проводниками взглядов «старой» буржуазии. Шпрее отмечал, что служащие отличались как от «низов», т.е. рабочих, так и от «верхов», т.е. «старого» среднего класса. Это отличие состояло в том, что у этой новой социальной категории не было «смыслообразующей релевантной традиции»³⁴, в результате чего их мировоззрение было гибким и открытым. То, что значительная часть из них, в конце концов, склонилась вправо, было обусловлено, по его мнению, отнюдь не традиционным самосознанием, а позицией самих «левых», пренебрежительно относившихся к «белым воротничкам».

В 1991 г. появилось ещё более сенсационное исследование: фундаментальная монография Юргена Фальтера «Избиратели Гитлера»³⁵ – итог долголетнего проекта по изучению результатов выборов в Рейхстаг рубежа 1920-1930-х гг. Автор на основе методов математической статистики выяснил, что нацистам оказали поддержку все слои общества, в том числе и рабочие. НСДАП, согласно заключению исследователя, была первой немецкой народной партией. Однако для нас наибольший интерес представляют выводы в отношении средних слоёв. Если применительно к «старому» среднему классу исследование подтвердило большую популярность НСДАП в среде средней и мелкой буржуазии, то в отношении служащих были получены неожиданные данные: доля их голосов среди всех

³³ Spree R. Angestellten als Modernisierungsagenten. Indikationen und Thesen zum Reproduktiven Verhalten von Angestellten im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert.// Kocka J. (Hg.) Angestellten im europäischen Vergleich. Göttingen, 1981.

³⁴ Ibid. S. 306-307.

³⁵ Falter J. Hitlers Wähler. München, 1991.

общественных групп, голосовавших за НСДАП, в среднем была самой низкой.

Выводы, сформулированные в 1980-1990-е годы представителями нового направления, были приняты во внимание современными исследователями, которые стали осторожнее трактовать позиции служащих и создавать более «объёмную», многообразную картину их взглядов и жизни. Теперь историки единодушны в том, что говорить об однозначно правой политической ориентации служащих нельзя. На это, например, указывает в своей историографической работе «Служащие с XIX столетия. Энциклопедия немецкой истории» Гюнтер Шульц.³⁶

Однако это не мешает многим исследователям по-прежнему причислять служащих к преимущественно консервативно мыслящей категории. Так, Бурхард Лаутербах в своей книге «Культура служащих. Объединения чиновников в промышленности накануне 1933 г.», заявил, что служащие находились между «современностью» и «традицией», но больше всё-таки склонялись ко второй, обнаруживая, тем самым, ориентацию на высшие слои.³⁷ Аналогичную точку зрения высказали в своих статьях исследователи Жорж Рош³⁸ и Криста Джордан.³⁹ Рош, изучивший положение инженерно-технических работников в Веймаре, хотя и указывал на их первоначальную склонность к республике, в итоге пришёл к выводу о консервативной направленности эволюции технической интеллигенции: то, что раньше оценивалось ею, как прогресс, затем – ввиду страха потерять свой статус – как «нивелировка» и «уравниловка». Джордан, анализируя положение служащих на основе художественной литературы, пришла к

³⁶ Schulz G. Die Angestellten seit dem 19. Jahrhundert. Enzyklopädie deutscher Geschichte. München, 2000. S. 104.

³⁷ Lauterbach B. Angestelltenkultur. «Beamten» - Vereine in deutschen Industrieunternehmen vor 1933. Münster, NY, München, Berlin, 1993. S. 178.

³⁸ Roche G. Ingenieure als Hüter der technisch-wissenschaftlichen Legitimität: Skizze einer mittelständischen Illusion zur Zeit der Weimarer Republik. // Möller H., Raulet G., Wirsching A. (Hrsg.). Gefährdete Mitte? Mittelschichten und politische Kultur zwischen den Weltkriegen: Italien, Frankreich und Deutschland. Sigmaringen, 1993.

³⁹ Jordan C. „Wir stellen doch was vor“ – Angestelltenleben und dessen Spiegelung in der Prosa am Ende der Weimarer Republik. // Althaus T. (Hrsg.). Kleinbürger. Zur Kulturgeschichte des begrenzten Bewußtseins. Tübingen, 2001.

выводу, что, несмотря на «пластичность» «белых воротничков», они всё-таки были носителями «особенного менталитета», ориентированного на получение и сохранение привилегий.

В целом, объясняя социально-политические позиции служащих, большинство исследователей, не вышло за рамки концепции «сословного сознания». Часть историков, правда, взяла на вооружение новые тезисы, но так и не смогла полностью вскрыть причины неожиданно обнаруженной инертности служащих в отношении нацистов. Пока эта тема остаётся дискуссионной и сравнительно слабо исследованной областью в западной историографии, не предложившей обстоятельных «расшифровок» результатов работы Ю.Фальтера. Что касается «старого» среднего класса и его симпатий национал-социализму, то тезисы «сословного сознания» и пролетаризации преобладают здесь вполне обоснованно, но часто затмевают собой изучение глубинных культурологических аспектов, которые могут существенно дополнить картину жизни «старой» буржуазии в Веймарской республике.

Третий блок литературы представляет собой работы по истории повседневной жизни в целом и её отдельных аспектов, в частности, свободного времяпрепровождения. Будничное существование времён Веймарской республики занимает специалистов значительно реже, чем другие проблемы. Это связано со сравнительно недавним появлением «истории повседневности» (Alltagsgeschichte в 1980-е гг.), а также с гигантским интересом исследователей к изучению образа жизни в нацистской Германии. В итоге обобщающих трудов по истории повседневной жизни в Веймаре пока нет. Есть лишь работы, освещающие её как в узком (например, один город), так и более широком смысле. Ярким свидетельством последнего является книга американца Ханса Гумбрехта «В 1926 году. На острие времени»,⁴⁰ которая воссоздаёт полотно будничной

⁴⁰ Гумбрехт Х.У. В 1926. На острие времени. Москва, 2005. К данной категории «широких» исследований относится и работа известного историка ГДР Юргена Кучинского «Повседневная жизнь немецкого народа» (Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. 1918-1945, Studien 5. Berlin, 1982.), охватывающая период 1600-

жизни западных стран, в том числе и Веймарской Германии, в рамках одного 1926 г. Для «отца» истории повседневности Альфа Людке этот труд является образцовым, попытку Гумбрехта он прямо называет «блестящей».⁴¹ Таким образом, повседневная жизнь в Веймарской Германии остаётся малоизученной областью, создавая ощущения определённой недосказанности и неполноты. То же самое относится и к повседневному существованию немецкого среднего класса.

Источниковой базой исследования послужили как архивные, так и общедоступные источники. Архивные материалы представлены неопубликованными и опубликованными текстами. В состав первых ввиду особенностей исследования вошли источники личного происхождения или эго-документы: дневники, письма, записки, телеграммы, биографии, рукописи докладов и выступлений,⁴² обращения в органы власти, хранящиеся как в российских, так и зарубежных архивах.⁴³ Практически все они принадлежат служащим и чиновникам, которые в отличие от «старого» среднего класса – торговцев и ремесленников – оставили более богатое письменное наследие, во многом обязанное их активной профсоюзной деятельности. Благодаря данным материалам реконструировался внутренний мир представителей среднего класса, происходило погружение в круг его повседневных забот, мыслей и суждений. Корпус опубликованных архивных материалов составила издававшаяся в годы Веймара профсоюзная литература – от ежегодников до листовок и программ вечерних курсов.

Важное место заняли общедоступные личные материалы: воспоминания и дневники представителей правящей и интеллектуальной

1945 г. Исследование преимущественно освещает жизнь рабочих и в отношении Веймара в основном концентрируется на кризисных 1923 г. и 1929-1933 гг.

⁴¹ Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 80.

⁴² В данном случае речь идёт не о рукописях в прямом смысле слова, а о машинописях докладов, которые нигде не были опубликованы.

⁴³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ): Ф.2575, оп.1. Никитин Н.Н.; Ф.3005, оп.1. Утёсов Л.О.; Ф.1693, оп.1. Рейснер Л.М.; Ф.645, оп.1, дело № 354. Archiv der sozialistischen Demokratie (AdsD): NL Haug W.; NL Hauser K.; NL Hoffmann J.; NL Wegener F. Bundesarchiv, Koblenz: NL Lindner A.; NL Epp F.R., von. Archiv für Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Verband Weiblicher Angestellten (VWA): VI-031-529/3.

элиты,⁴⁴ а также «простых» граждан из среднего класса. Последние были опубликованы в единственном в своём роде сборнике материалов «Повседневность в Веймарской республике».⁴⁵

Значимую категорию источников образовали периодические издания: газеты левой («Форвертс», «Фрайхайт», «Фрайе прессе»), либерально-демократической («Берлинер Morgenpost») и умеренно правой («Кёльнише Цайтунг» и «Кобургер Цайтунг») направленности, а также «неполитическая» «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг» и журнал для садоводов «Гартенлаубе».

Значительную роль в решении поставленных задач сыграла художественная литература. В работе широко использовались произведения Б.Келлермана,⁴⁶ Э.–М.Ремарка,⁴⁷ Т.Манна,⁴⁸ Э.Кестнера,⁴⁹ И.Койн⁵⁰ и Х.Фаллады.⁵¹

Активно привлекалась публицистика,⁵² а также исследования культурологического и социологического характера, проведённые учёными-современниками.⁵³

Определённое место в диссертации заняли официальные источники, среди которых такие ключевые документы времени как Версальский мирный договор и Конституция Веймарской республики.

Отдельную группу составили источники устного происхождения: песни, гимны и мифологемы, а также визуальные документы: фотографии,

⁴⁴ Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М., - Пг., 1923; Хаффнер С. Биография одного немца. Воспоминания 1914-1933 гг. // Иностранная литература. М., 2002. №2; Lemmer E. Manches war doch anders. Erinnerungen eines deutschen Demokraten. München, 1996; Mayer E. Skizzen aus dem Leben in der Weimarer Republik. Berliner Erinnerungen von Ministerialdirigent a.D. München. Berlin, 1962; Kern F. Der Ruhrkrieg. Umriss und Erinnerung. Bonn, 1941; Kessler Harry Graf. Tagebücher 1918-1937. Frankfurt a.M., 1961 и т.д.

⁴⁵ Pörtner R. (Hrsg.) Alltag in der Weimarer Republik. Erinnerungen an eine unruhige Zeit. Düsseldorf, 1990.

⁴⁶ Келлерман Б. Братья Шелленберг. М., 1983.

⁴⁷ Ремарк Э.М. Три товарища. М., 1990; Возвращение. Жизнь взаимы. Тула, 1991; Чёрный обелиск. М., 1991.

⁴⁸ Манн Т. Непорядок и раннее горе. // Избранное. М., 1975.

⁴⁹ Кестнер Э. Фабиан. История одного моралиста. М., 1990; Эмиль и сыщики. М., 2011.

⁵⁰ Keun I. Das kunstseidene Mädchen. Berlin, 2011.

⁵¹ Фаллада Х. Маленький человек, что же дальше? М., 1990.

⁵² Krausauer S. Ornament der Masse Essays. Frankfurt a.M., 1977; Gerlach H. von Die Große Zeit der Lüge. Der Erste Weltkrieg und die deutsche Mentalität (1871-1921). Bremen, 1994; Бёсс Г. Берлин в тисках нужды. Факты и цифры. М., Пг., 1923 и пр.

⁵³ Wieth-Knudsen K.A. Prof.Dr. Kulturgeschichte der europäischen Frauenwelt. Stuttgart, 1927; Fromm E. Arbeiter und Angestellten am Vorabend des Dritten Reiches. Eine sozialpsychologische Untersuchung. Stuttgart, 1980; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

плакаты (политические и рекламные), листовки, афиши, открытки, карикатуры и пр.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первой в отечественной германистике работой, изучающей средний класс в годы Веймара, а также одним из первых в современной историографии исследований, посвящённых духовной трансформации средних слоёв на основе подходов истории повседневности. Восприятие процессов модернизации, происходивших в период республики, рассматривается под новым углом зрения: не с «верху» или «со стороны», как это делается в политической и социально-экономической истории, а «изнутри» - вызревание склонности или иммунитета к радикализму изучается в рамках повседневного существования. Такая смена исследовательского ракурса позволяет не только приблизиться к «маленькому человеку», но и пересмотреть сложившиеся представления о тех или иных явлениях и процессах, происходивших в Веймаре.

Положения, выносимые на защиту:

1. Германия после Первой мировой войны и Ноябрьской революции находилась в состоянии глубочайшего духовного кризиса, одним из его проявлений стали тотальная разочарованность и разобщённость немецкого общества.

2. В области политики особенно сильные разногласия возникли в начальный период существования республики и были вызваны расхождениями в оценке революции и Версальского мира. В дальнейшем разобщённость наблюдалась по целому ряду других проблем – от общественно-политических до повседневных.

3. В качестве средства борьбы с кризисом «старый» средний класс избрал реакционные практики выживания, направленные на возвращение в прошлое. На повседневном уровне это выразилось в ностальгии по кайзеровским временам, отказе признать военное поражение и осуждении в

связи с этим социалистов, а также поддержке военных союзов и консервативных политических сил включая НСДАП.

4. Причина такого поведения крылась в особенностях положения и исторического опыта «старого» среднего класса, сформировавших у него особую систему политических и культурных приоритетов, основанных на «мифе 1871 г.».

5. «Новый» средний класс избрал совершенно другую модель поведения, что было связано с отсутствием в его среде «устойчивой релевантной традиции». Данный социальный слой был молодой группой немецкого общества – возник в последней трети XIX века – и поэтому не испытывал давления своих обычаев и традиций, оказавшись наиболее открытым ко всему новому.

6. Как результат в качестве практики выживания «новые» средние слои – служащие – избрали инновационную модель адаптации и преодоления кризиса. В политике это выразилось в приверженности к профсоюзному движению и «левым» взглядам, в повседневности – к массовой культуре потребления и развлечения.

Практическая значимость исследования состоит в возможном использовании его результатов при создании трудов по истории Германии, а также обобщающих и специальных работ по истории среднего класса. Диссертация может использоваться также для подготовки учебных курсов по общегерманской истории, истории Веймарской республики и нацизма.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на научных конференциях и семинарах проводившихся Челябинским государственным университетом, Московским представительством Германской службы академических обменов (DAAD) и Рейнским университетом имени Фридриха Вильгельма (Бонн), а также в рамках научных публикаций автора.

Структура работы. В соответствии с поставленными целью и задачами, диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обосновывается актуальность исследуемой темы, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, формулируются цели и задачи, характеризуется методологическая база, а также содержится историографический обзор и даётся характеристика корпуса источников.

В первой главе «"Большая история" и "маленькие люди": Веймарская республика от политики до повседневности» исследуются масштабные изменения в общественно-политической, экономической и повседневной сферах, произошедшие с Германией в 1920-е гг.

Первый параграф «Общественно-политическая ситуация в Германии (1918 – 1933гг.)» посвящён событиям и проблемам общественно-политического плана, характеризовавшим жизнь в Веймаре.

После Первой мировой войны Германия пережила большие перемены. Кайзеровская империя рухнула. Её место заняла Веймарская республика с совершенно иными принципами и характером жизни. В стране появилось всеобщее избирательное право, президент и активный парламент с его игрой сил. Во главе государства встали новые люди: социалисты и католики. Страну сотрясали бурные предвыборные кампании, парламентские дебаты, бесконечные забастовки. Население было потрясено скоростью и масштабом изменений. Многим казалось, что мир пошатнулся. Резкие перемены вкупе с неожиданным проигрышем в войне и унижительным, «разрушительным» Версальским миром привели к возникновению духовно-мировоззренческого кризиса.

Реакция на кардинальные новшества была неоднозначной. Немецкое общество разделилось на тех, кто поддержал новый порядок и тех, кто был

«против». Найти взаимопонимание между этими лагерями было крайне сложно, а зачастую и невозможно. В эти годы немецкое общество оказалось глубоко *разочарованным* и *разобищённым*.

Разночтения обозначались с самого начала – с восприятия революции, республики и Версальского мира. Последний стал своеобразной лакмусовой бумажкой. Через отношение к нему определялась принадлежность к тому или иному лагерю. Сторонники республики считали мир необходимым, дабы наладить отношения с другими странами, противники, наоборот, находили его совершенно неприемлемым, а потому подлежащим немедленной и безоговорочной ликвидации.

Следующим «пунктом» расхождений после «Версаля» оказался Рурский кризис 1923 г. Несмотря на то, что оккупация Рура французами и бельгийцами вызвала всеобщее негодование, немецкое общество, тем не менее, разделилось. Одни немцы были против всех французов, используя националистические лозунги, другие (в первую очередь рабочие и служащие) были только против французского «капитала», постулируя идею солидарности всех трудящихся. В 1924 г. разногласия возникли уже вокруг плана Дауэса.

С приходом «мирного» времени – «золотой пятилетки» – ситуация выравнивалась, но только на первый взгляд. Каждый новый общественно-значимый вопрос с новой силой обнаруживал существующие противоречия. В 1926 г. это проявилось в вопросе экспроприации княжеской собственности. Среди сторонников таковой оказалась многомиллионная армия трудящихся, а среди противников – имущие слои населения – в первую очередь разного рода предприниматели. Представители этих лагерей яростно доказывали друг другу, что собственность ни в коем случае нельзя оставлять или, наоборот, забирать. В одном случае указывалось на несправедливое разделение материальных благ, во втором – на принципиальную неприкосновенность частной собственности.

Аналогичную крайне неоднозначную реакцию вызвали и действия военных, направленные на незаконное вооружение Германии и «поддержание» её «боевого духа». План Юнга на рубеже 1929/1930 гг. также обнажил непримиримые разногласия, которые с разрастанием Великой депрессии перешли из области внешней во внутреннюю политику.

Второй параграф «Новации и тяготы повседневной жизни» концентрируется на будничных сторонах существования – от тяжёлого периода послевоенных годов до последующего процветания во второй половине 1920-х гг.

Становление республиканского режима и первые годы его существования сопровождались многочисленными лишениями, связанными с послевоенным разрушением народного хозяйства и тяжестью Версальского мира. Не хватало продовольственных и промышленных товаров. Как и в годы войны, немцы в основном питались эрзацами. В 1923 г. в ходе опустошительной инфляции страна пережила страшный голод, который очевидцу из Советской России напомнил события 1918 г. в Петрограде.

Резко обострился жилищный вопрос. В первой половине 1920-х в Германии не хватало более 1 млн. квартир. Жили где и как угодно, в основном в переполненных комнатухах, где вместе ютились сразу несколько поколений. Проблематичным являлось положение с топливом, которое ещё в военные годы перешло в категорию дефицита. Аналогично тяжело обстояла ситуация с обувью и одеждой.

Однако во второй половине 1920-х гг. произошли кардинальные изменения. Иностранные кредиты реанимировали немецкую экономику, что незамедлительно отразилось на повседневной жизни. От потребительского аскетизма немцы совершили прыжок к модерну и изобилию. В республике начали строить доступное и комфортное жильё. На прилавках появился большой ассортимент продовольственных и промышленных товаров. В обиход вошли телефоны, радио, электроприборы. Города заполнили

машины и мотоциклы. Гул автомобилей, огни реклам и киноафиш стали неотъемлемой частью новой жизни.

Страну захлестнула «американская» мода и праздное времяпрепровождение. Германия и особенно её столица приобрели славу одного из всемирных центров развлечений. Современники писали: «в Берлине столько же танцулек, сколько в Париже кафе и в Брюсселе – банков».⁵⁴ Количество питейных и развлекательных заведений поражало воображение. В стране появились «новые» женщины, которые стриглись «под мальчика» и носили «легкомысленные» короткие платья и брюки.

Такие изменения были восприняты крайне неоднозначно. Консервативно настроенных немцев, прежде всего в лице «старой» буржуазии, новшества пугали: они активно критиковали технические ноу-хау и растущую «распушенность» нравов; другие же, наоборот, поддерживали перемены, видя в них прогресс и элементарную эмансипацию. В итоге повседневная жизнь также оказалась фактором, способствующим расколу немецкого общества.

В сложившейся ситуации начался поиск «выходов» по преодолению кризиса, связанного с разочарованностью и разобщённостью. Не стал исключением и средний класс, который так же, как и все остальные немцы включился в процесс по поиску и использованию стратегий выживания. Однако здесь обозначился чёткий водораздел между «старыми» и «новыми» средними слоями, первые применили одни модели адаптации, вторые – совершенно другие.

Во второй главе «Назад в будущее: "старый" средний класс и веймарская демократия» рассматривается миропонимание «старого» среднего класса и его духовно-эмоциональные и социокультурные практики выживания.

⁵⁴ Эренбург И. Путевые очерки. Германия. // Собрание сочинений. Т.5. М.,1959. С.191.

В первом параграфе «Политические и культурные приоритеты традиционных слоёв буржуазии» исследуются особенности политических воззрений и социокультурных приоритетов «старой» буржуазии. Большое влияние на формирование её мировоззрения оказал ход объединения Германии. События 1871 г. стали основой «картины мира» «старого» среднего класса как ярчайшее переживание, связанное с оформлением национального единства. Главенствующая роль в этом процессе армии и нестигаемой воли «железного канцлера» предопределила популярность милитаризма и веру широких слоёв в роль вождя. Отныне эти категории стали краеугольным камнем германской политической культуры и одного из главных её носителей – немецкой буржуазии. Торговцы, ремесленники, фабриканты, а также высшее чиновничество и лица свободных профессий органично встраивались в «картину мира», включающую подобные компоненты. Не случайно, представители «старого» среднего класса воспринимали себя в качестве «столпов» государственности.

Веймарская республика с её демократией и широкой свободой вступила в противоречие с прежними принципами «казарменной» организации жизни. «Новый мир» не вписывался в представления «старого» среднего класса, который не мог найти себе здесь подходящего места. Республика подорвала его «воображаемый» статус «носителя» государственности и потрясла прежнее мироощущение. Вместо великого сплочённого рейха и незыблемого порядка пришли, с точки зрения буржуа, унижения на международной арене и политическая нестабильность. Всё это вкупе с лозунгами социализации и «враждебным» экономическим курсом нового правительства привело – после первоначальной попытки сближения – к категорическому неприятию республиканской жизни.

Во втором параграфе «"Погружение в прошлое" как стратегия выживания» рассматриваются практики выживания «старого» среднего класса, условно характеризуемые как «уход в прошлое».

Для преодоления кризиса, основанного на чувствах разочарованности и разобщённости, «старые» средние слои стали использовать прошлое. Сначала это были «просто» воспоминания о старых «добрых» временах, когда продолжали покупать открытки с изображением экс-кайзера и отмечать военные праздники империи, затем уже более решительные действия: поддержка агрессивных мифов, участие в военных союзах и добровольческих корпусах, а также голосование за правые партии. Всё это – от мифологем до политических пристрастий – покоилось на «родных» для «старого» среднего класса представлениях ушедшей империи, где господствовали идеи единства и величия. Так, «дольхштослегенда», отвергая военное поражение Германии и поддерживая авторитет одного из главных инструментов её великодержавных устремлений – армию, позволяла сохранить связь прошлого с настоящим. Военные союзы, куда активно вступали буржуа, преследовали ту же цель: «не уронить» боеспособность немецкой нации и её «боевой дух». В совокупности эти компоненты должны были сохранить заложенные в 1871 г. исторические перспективы как для всей Германии в виде мощного, нерушимого государства, так и для «старого» среднего класса, давая ему возможность снова занять почётное место верного «солдата» и «носителя» порядка. Под воздействием указанных факторов протекала и партийно-политическая эволюция «старых» средних слоёв. Любопытно, что их поворот к правым силам происходил постепенно. В 1919 г. в ходе выборов в Национальное собрание «старые» буржуа поддерживали вполне демократические силы в лице леволиберальной Немецкой демократической партии (НДП). Однако через год на первых выборах в Рейхстаг они перешли из левого в правый лагерь либерализма к Немецкой народной партии (ННП). На следующих выборах они уже голосовали за монархическую Национальную партию (НННП), потом – за консервативные мелкие и региональные партии. В 1932 г. они шагнули к самой реакционной силе правого политического спектра: НСДАП. Идеология последней удивительно точно отвечала их чаяниям и надеждам: здесь была и

нация, как основа общности германского народа, и «величие», как символ его политического существования.

В третьей главе «"Новый" средний класс в контексте веймарской модернизации» реконструируются практики выживания «нового» среднего класса.

Первый параграф «Поворот "налево": общественно-политические практики выживания в кризисные годы» посвящён положению служащих и их модели адаптации, основанной на общественно-политической деятельности.

«Новый» средний класс являлся молодой категорией населения немецкого общества. В отличие от «старой» буржуазии, эта социальная группа появилась и оформилась сравнительно недавно: её численный рост пришёлся на последнюю треть XIX-началоXX столетий. Тогда же произошли и качественные перемены: «белые воротнички» стали воспринимать своё положение не как временную переходную стадию – от работы на хозяина к организации собственного дела, а как постоянную профессию, занятие на всю жизнь. Иными словами, служащие стали идентифицировать себя, как служащих. Благодаря своей короткой «истории», «белые воротнички» – от секретарш до инженерно-технических работников – оказались довольно открытой группой веймарского общества. Их не сковывали многолетние традиции и «обычаи» своего положения и окружения.

В итоге «новый» средний класс взял на вооружение для борьбы с разочарованностью и разобщённостью инновационные, демократичные модели адаптации. В ход пошли «левая» идеология и профессиональные союзы. В годы республики служащие активно вступали в действующие профсоюзы, а также создавали новые. В профессиональных объединениях тогда состояло примерно 40% всех «белых воротничков». Профсоюзы выполняли важную функцию: посредством своей риторики и реальных дел – от стачек до совместных певческих вечеров – они способствовали

объединению и сплочению наёмных работников. Характерно, что тогда профсоюзы метафорично назывались «родиной» или «семьёй», поскольку здесь действительно обретали близких людей, а также – через многочисленные совместные мероприятия и акции – чувство единства. Подобная практика нивелировала ощущения одиночества и неприкаянности. «Левая» идеология способствовала усилению подобных настроений. Благодаря ей – через социалистические профсоюзы и СДПГ – формировалась особая субкультура с собственными традициями, праздниками, символами. Всё это «цементировало» и укрепляло чувство общности. С помощью профсоюзов и идей солидарности «новый» средний класс преодолевал главные проблемы Веймара: разобщённость и разочарованность.

Во втором параграфе «Массовая культура потребления и развлечения как метод адаптации в "золотую пятилетку"» анализируются распространившиеся во второй половине 1920-х годов модели адаптации служащих, связанные с массовой культурой развлечения и потребления, получившей широкое распространение в это время.

Благодаря «открытости» «нового» среднего класса в его среде утвердился современный стиль жизни с соответствующими ему видами досуга. «Белые воротнички» чаще других немцев ходили в кино, слушали радио, увлекались спортом, в том числе туризмом. Особенную популярность получили «новые» танцы – шимми, фокстрот, чарльстон и др. Широкая увлечённость ими обеспечивалась отсутствием у служащих жёсткой «классовой морали» и легкой доступностью самого джаза, который играли как на демократичных танцплощадках, так и в дорогих дансингах.

Новые, «декадентские» с точки зрения «старой» буржуазии, танцы, а также кино, спорт, мода прививали служащим чувство общности и сплочённости. Массовый характер этих явлений способствовал интенсивному (невербальному) социальному общению, растворяя одиночество; увлечённые ими люди представляли единое целое с общими

интересами и ценностями. К тому же новые виды отдыха и потребления являлись маленькими человеческими радостями, с помощью которых приходило очарование республиканской действительностью. Смысл бытия служащие находили не в идеях величия и грандиозных свершений, а в приятном времяпрепровождении и «тихих», домашних радостях, компенсировавших недовольство и примирявших их с окружающим миром. Всё в комплексе это способствовало тому, что республика получила в среде «нового» среднего класса довольно позитивное и дружелюбное отношение.

В **«Заключении»** подводятся основные итоги работы. В ходе исследования было установлено, что немецкое общество после крушения кайзеровской империи находилось в состоянии глубокого духовно-мировоззренческого кризиса, главными чертами которого были разочарованность и разобщённость. Для его преодоления средним классом были выработаны соответствующие стратегии выживания. Однако единства здесь не наблюдалось: между «старым» и «новым» средним классом пролегла своего рода демаркационная линия. Первый не принял республику и в качестве стратегии выживания стал использовать «уход в прошлое», направленный на замещение Веймара ценностями «старого мира». Второй, наоборот, в качестве моделей адаптации выбрал инновационные методы, предложенные самой республикой – от профсоюзов до новых видов развлечений. Благодаря им, служащие не только преодолевали чувства разобщённости и разочарованности, но и включились в новую социально-политическую реальность, воспринимая её ценности и правила игры. Такая разница мировосприятия и жизненных установок ярко отразилась на отношении к главному врагу первой немецкой демократии – нацистской партии, за которую активно голосовали «старые» средние слои и значительно реже – «новые».

Изучение средних слоёв показало, что республика отнюдь не являлась лишённым поддержки организмом, полым образованием или как принято

говорить «республикой без республиканцев». Значительная часть среднего класса в лице его инновационной группы служащих смогла адаптироваться и принять республиканскую жизнь. «Незначительная» и «маловажная» повседневная жизнь с её прозаическими практиками выживания сыграла здесь важную роль. Однако совершить окончательную перестройку своих взглядов за столь короткий срок всей стране не удалось. Значительная часть немецкой нации – носители традиций и идей Великопруссии – продолжали существовать в русле прежней политической культуры. Им потребовалось пережить ещё одного воинственного лидера-фюрера и очередную самую разрушительную войну, чтобы начать перестройку своих политических привычек и взглядов.

Основные результаты диссертационного исследования изложены в публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определённых ВАК.

- 1) Вырупаева А.П. Мода, изменившая мир: эмансипация и рождение современного образа женщины в Веймарской Германии [Текст] / А.П.Вырупаева // Вестник Челябинского государственного университета, серия «История». Вып. 47. 2011, №23. С.169-175.
- 2) Вырупаева А.П. Десятилетие селёдки и брюквы: Германия через призму голодной повседневности Первой мировой войны и раннего Веймара (1914 – 1923 гг.) [Текст] / А.П.Вырупаева // Вестник Челябинского государственного университета, серия «История». Вып. 48. 2011, №34. С.97-105.
- 3) Вырупаева А.П. От любви до ненависти: веймарские служащие и национал-социализм в западной историографии [Текст] / А.П.Вырупаева // Вестник Челябинского государственного университета, серия «История». Вып. 58. 2013, №36. С.67-72

Статьи в иных изданиях.

- 4) Вырупаева А.П. Фридрих Эберт и Пауль фон Гинденбург: образ национального лидера в немецком массовом сознании 1920-х годов [Текст] / А.П.Вырупаева // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Выпуск 5 / Под ред. Т.В.Любчанской. Челябинск: «РЕКПОЛ», 2011. С.11-14.
- 5) Vyrupeva A.P. Zurück in die Zukunft: deutscher Mittelstand und Weimarer Demokratie (1918-1933) // Materialien zum wissenschaftlichen Seminar der Stipendiaten der Programme „Michail Lomonosov II“ und „Immanuel Kant II“ 2011/2012. Сборник материалов научного семинара стипендиатов программ "Михаил Ломоносов II" и "Иммануил Кант II" 2011/2012 года. Moskau, 2012. S.291-293.